

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Ф. Виккерс. *Мираж*. Роман, М., 1960, 291 стр. *

Одинокий человек бредет по дороге. Перед ним — выжженная докрасна земля пустыни, сухой, колючий спринифекс. Человека мучит смертельная жажда. У него не осталось ни капли воды. Но вот впереди — озеро, полное влаги, и бахрома эвкалиптов вокруг. Человек напрягает последние силы, но до озера все так же далеко. Это — мираж. И силы оставляют человека...

Этот образ обманчивого видения, возникающего в выжженной солнцем пустыне, и человека, которому не суждено достичь своей цели, как бы он к ней ни стремился, проходит через всю книгу современного австралийского писателя Ф. Виккерса.

Автор книги Ф. Виккерс, хорошо знает то, о чем он пишет. Он родился в Англии, но в 1925 г. переселился в Австралию и много лет работал простым стригальщиком овец, сортировщиком шерсти и погонщиком скота в Западной Австралии, которую он так ярко изобразил в своем романе. Его перу принадлежат еще два романа и много рассказов.

Главный герой рецензируемой книги — Фредди Адамс, сын аборигенки и «белого» отца. Мираж — символ того, к чему страстно стремился и чего так и не достиг Фредди: места под австралийским солнцем, места в обществе тех людей, к которым принадлежал его отец. И этот образ становится символом участи австралийских аборигенов, такой же трагической, как участь Фредди Адамса.

Детство Фредди прошло на ферме Бегущие Воды, где-то на равнинах Западной Австралии, отнятых у аборигенов и превращенных в пастбища для скота. Он вырос среди людей, чьи земли простирались некогда от гор Троссел до берегов Индийского океана. От когда-то многочисленного племени осталась теперь горстка людей — батраков «белого» фермера, а от всей их обширной страны — лишь русло источника, впадающего в священный водоём Уанна Кабби, в котором для них олицетворена вся жизнь племени, их связь с прошлым и родной землей. Но и Уанна Кабби теперь им не принадлежит: «белый человек» обнес его проволокой, и только птицы да овцы могут пить из него.

Отец привел Фредди в свой дом — и здесь в нем мало-помалу развилось и окрепло сознание того, что он больше не принадлежит своему племени, что его место — среди «белых людей». И тогда он испытал первые жестокие разочарования: «белые люди» не захотели принять в свою среду человека, в чьих жилах течет кровь другой расы, а сородичи отвернулись от него как от отступника. Да и не было ему дороги назад: приобщившись к культуре «белых людей», он уже не мог вернуться в русло Уанна Кабби. Ему, оторванному от родной почвы, оставалось только идти вперед, в погоне за призрачным, убегающим от него видением.

Фредди суждено было встретить хороших, честных людей: доктора Грешэма, фермера Монтгомери, которые стремились отбросить прочь расовые предрассудки. Как и священник Уоткинс, все они понимали: «Эти люди, которых мы обрекаем на жизнь в резервациях, — это уже не представители первобытных племен, это люди нашего собственного народа. Пусть кожа у них другого цвета, но мыслят они так же, как и мы. У них те же чаяния и желания, что и у любого из нас. Они знают только ту жизнь, которой живем мы, и мы же не пускаем их в эту жизнь». Они готовы прийти на помощь Фредди и его подруге Ноне, тоже метиске, но их слишком мало, а людей, равнодушных к их судьбе, слишком много. И поэтому-то, пользуясь равнодушием большинства, на глазах у «толпы, хранящей молчание», могут творить свое черное дело негодяи вроде мистера Трю, самого влиятельного человека в городе, по мнению которого «время еще не пришло», чтобы помочь аборигенам жить по-человечески, или Дика, который использует аборигенов, когда они ему нужны, а потом, по его собственным словам, «вышвыривает их, как грязные носки».

Произошло то, что предсказывали Фредди, когда он еще мальчиком жил на ферме Бегущие Воды: «Когда его приобщат к цивилизации, у него не будет никакого места. Окажется, что он никому не нужен». Фредди живет в постоянном страхе, что его и Нону упрячут в резервацию. «Возле каждого города есть резервация — сборище цветных, своего рода скотный двор». Аборигены страшатся ее более, чем тюрьмы, и не удивительно: «Жить там — значило жить на помойке, среди человеческих отбросов, лишенных каких-либо признаков жизни, кроме одного — голода. Нет, думал он, лучше умереть, чем жить как собака». Скупными, но выразительными штрихами автор рисует страшную жизнь в резервации — страшную не только своим убожеством и нищетой, но и той степенью морального падения, до которого доведены живущие там люди — потомки когда-то гордых хозяев страны, а теперь жалкие жертвы капиталистической «цивилизации», отброшенные ею на самое дно, презираемые теми, кто был причиной их падения. Жизнь в резервации — это жизнь на грани физической или моральной гибели. Все это «тяготело над жизнью людей, словно меч, висевший на

* F. B. Vickers. *The mirage*. Melbourne, 1955.

паутине. И все это начиналось с голода — желания есть то, что они каждый день видели в магазинах, желания жить, не голодая, так, как — они знали — живут белые. Но голод не кончался — нити, поддерживающие тяжелый меч, рвались, и люди гибли; нищета, разложение, постоянные оскорбления со стороны белых — все это вместе давило их, и они становились просто рабами своих голодных желудков». Можно ли обвинять этих людей в том, что они стали такими? Вспоминаются слова другого честного австралийского писателя: «При господстве их традиционного морального кодекса аборигены были великой расой. То, чем они стали теперь, — это результат контакта с белыми. Мы никогда не должны это забывать!»¹.

Аборигены в современной Австралии — это каста отверженных, лишенных всех гражданских прав. Вот один из героев книги, Мик де Сильва, гоанско-малайский метис. «Мик такой же черный, как и Фредди, у него такой же цвет кожи, как у черных, но по закону он не считается ниггером. А Фредди — ниггер. То, что его мать — туземка, уже лишаю Фредди всех прав австралийского гражданина. Ему запрещено появляться в каком-либо городе, если так захочется полиции. Ему запрещено заходить в любую таверну...». Лишь очень немногим аборигенам Западной Австралии удается получить гражданские права, но какой ценой, и как их легко потерять! Свидетельство о праве гражданства (certificate of citizenship) по закону выдается аборигену, который уже два года как прервал всякие отношения с другими аборигенами, за исключением самых близких родственников, служил в армии или как-либо иначе доказал, что он достоин прав гражданина, свободно говорит по-английски, имеет профессию, хорошую репутацию и т. д.² Подавляющее же большинство коренных австралийцев лишено избирательных и других гражданских прав. Условия и оплата их труда, здравоохранение и питание — все это находится на крайне низком уровне, как об этом писали не раз в самой Австралии компетентные лица в официальных отчетах и в прессе. Много раз писали и об ужасных жилищных и санитарных условиях в резервациях. Социальное обеспечение аборигенов фактически отсутствует. О ненормальных условиях для беременных женщин и кормящих матерей мы узнаем и из книги Виккерса.

Система резерваций — это средство принуждения аборигенов к труду, резервации — это «концентрационные лагеря», по собственным словам некоторых австралийских граждан. На основании статьи 16-й действующего на Северной Территории «Положения об аборигенах», директор Департамента по делам туземцев, если, по его мнению, это в интересах аборигена, может перевести аборигена в резервацию или держать его в исправительном заведении³. Австралийское законодательство об аборигенах было создано главным образом с целью контроля над ними как над дешевой рабочей силой и в первую очередь защищало интересы скотоводов.

В 1934 г. овцеводы района Роборна и Порта-Хедлендатого района Западной Австралии, где развертывается действие романа, — «докладывая британскому уполномоченному об условиях жизни аборигенов в Западной Австралии, горько жаловались на то, что аборигены вымирают и что они — овцеводы — теряют рабочую силу»⁴. Мы видим из романа, что положение аборигенов здесь не улучшилось и в дальнейшем.

В 1944—1946 гг. этнографы Р. и К. Берндт изучали жизнь аборигенов на скотоводческих фермах Северной Территории. Опубликованные ими данные «вскрывают неудовлетворительное питание, неудовлетворительные жилищные условия, образование, медицинское обслуживание, гигиену, санитарные условия и такие условия труда, вследствие которых аборигены вымирают так же быстро, как и в дни колонизации»⁵.

Выводы Р. и К. Берндт, по их собственным словам, приложимы к условиям, в которых живут аборигены всей Австралии⁶.

Согласно заключению одной из австралийских общественных организаций, условия труда аборигенов на Северной Территории, в северном Квинсленде и Западной Австралии таковы, что можно говорить о существовании здесь одной из форм рабства⁷. В самой Австралии, как это видно из австралийской печати, раздают голоса о том, что положение аборигенов коренным образом противоречит Декларации о правах человека, принятой Организацией Объединенных Наций.

На следующий год после выхода в свет романа Виккерса «Мираж», в 1956 г., в Маралинге (Южная Австралия) были произведены экспериментальные взрывы английского атомного оружия. В результате насильственной эвакуации аборигенов из района испытаний многие аборигены погибли от голода и жажды.

Трагедия героя книги — это трагедия человека, оторванного от корней и брошенного в мир общественной несправедливости и расовых предрассудков. Он рано начал понимать, что «у него никогда не будет ни места в жизни, ни очага... Где бы он ни ока-

¹ W. E. H a r n e y, Content to lie in the sun, London, 1959, стр. 136.

² L. A. M a n d e r, Some dependent peoples of the South Pacific, New York, 1954, стр. 191.

³ Ф. Р о з, Положение австралийских аборигенов, «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 75—77.

⁵ A. G. P r i c e, White settlers and native peoples, Melbourne, 1949, стр. 205.

⁶ Там же, стр. 209.

⁷ M. M. B e n n e t t, Human rights for Australian aborigines, Brisbane, 1957, стр. 19.

зался, всюду будет это ужасное, оглушающее молчание, эти глядящие на него и не замечающие его глаза...»; «Фредди теперь знал: независимо от того, что он сам о себе думает, для большинства белых он черный, а поэтому — ниггер, и обращаться с ним будет так, как с черным». «Во время странствий их, случалось, ловили и отправляли в резервацию. Пусть у тебя были деньги и ты просто заглянул в магазин, чтобы купить что-нибудь; но если спускающиеся сумерки застгли тебя в городе, этого уже было достаточно, чтобы полисмен потащил тебя в резервацию».

На ферме аборигены жили на положении бесправных рабов. Автор знакомит читателя с группой «белых» рабочих-стригальщиков овец. Можно ли сравнить их положение с положением «черных» батраков? «Белые» рабочие объединены в профсоюз, они могут бороться за свои права. «Черные» — это просто даровая рабочая сила. Они работают за остатки еды и рваную или безобразно шитую одежду, а если они посмеют отказаться от работы — их заставят силой. С ними даже разговаривают на каком-то особом искверканном жаргоне. Не лучше и в резервации. Власти поддерживают существование «черных рабов», распределяя через полицию скудные пайки — щепотку чаю, немного сахара, муки и соли и, может быть, кусочек мяса».

Нищета и страдания не объединяли людей в резервации, «наоборот, далеко отбрасывали друг от друга, они становились настоящими врагами, они терзали друг друга, грызлись, как собаки из-за кости». Виккерс убедительно показывает, что именно социальные условия сделали людей такими. Это жизнь сделала чистую девочку Нону, воспитанницу приюта, а потом служанку в доме «белых людей», — такой, какой мы ее видим в романе. Образ Ноны — один из самых ярких в книге. И он, прежде всего, типичен. «Она понимала, что может жить, лишь обманывая и воруя, пресмыкаясь, если это давало ей какую-то выгоду. А чтобы так жить, приходилось пускаться в ход всю хитрость и коварство. Она не знала другого пути в жизни, кроме одного — пути джунглей, зубов и когтей: быстро напасть, укусить и снова отскочить в сторону. В этих джунглях не оставалось места для чувств». Она рано убедилась в том, что «хоть и одетая, она ничто, просто вещь, лишняя душа, без всякой цели в жизни, ибо белые никогда не примут ее». Бывали минуты, когда и Фредди сам начинал думать, что Нона права, что «для них остается единственный путь сохранения жизни — путь лжи, обмана, воровства, путь голодных собак». Голод — единственное сильное чувство, которое испытывает эта женщина, и еще страсть к вещам, которыми обладают «белые», ибо ей кажется, что в этих вещах и заключается их превосходство над нею. Но даже обладая этими вещами, она остается по-прежнему внизу. Слабость ее духа, ее униженность и робость перед «белым человеком» становятся причиной гибели ее и Фредди, но их трагический конец имеет и более глубокую причину, которую вскрывает писатель. Они погибают, но остается их сын — маленький Джорджи. Что его ждет? Суждено ли ему увидеть другую Австралию, будет ли его жизнь более радостной, чем жизнь его отца? Этот вопрос возникает в уме читателя, когда он закрывает последнюю страницу.

К концу своей недолгой жизни Фредди все чаще отдавал себе отчет в том, что его надежды — это только мираж, только иллюзии, которым суждено развеяться как дым. То, что он метис, «попукровка», — не спасло его от расовой дискриминации. Он разделял участь тех людей, к которым принадлежала его мать — участь тех, от кого он еще подростком хотел отвернуться. Метис столь же бесправен, как и чистокровный абориген. Может быть, его жизнь еще невыносимей.

С большой художественной силой и проникновением Виккерс рисует коллизию внутри современного австралийского племени: между молодым аборигеном Доуди, восставшим против Закона племени, и Законом, олицетворенным в образе хранителя и старейшины племени Нулла. Доуди должен погибнуть в наказание молодым, для того чтобы восторжествовал древний Закон, в который они потеряли веру с тех пор, как «белый человек» завладел их землей и их судьбами. Для Нуллы Закон — это больше, чем власть традиций, это — само племя, его жизнь. Не будет Закона — не станет племени, оно погибнет. «Если мы забудем это, — говорит Нулла, — белые сметут нас с лица земли, как ветер сметает семена». Белый может разгородить их землю и пасти на ней своих овец, он может даже не пускать племя к Уанна Кабби, но до тех пор, пока оно живет по Закону, оно не умрет. Как река прорезает равнину, так и Закон пронизывает жизнь племени. «Подобно племенам Израиля, выжившим верностью своим законам, — Нулла писатель, — Нулла боролся за то, чтобы его племя не отступало от Закона отцов и не исчезло навсегда». Но что может поделат Нулла против неумолимых сил, которые надвигаются со всех сторон? Может ли он их остановить? Доуди погибает вследствие самовнушения — он казнен способом, некогда распространенным в Австралии, «нацеливанием костью», но и Закон, и само племя все равно обречены.

Книга Виккерса — правдивое и сильное художественное отображение условий, в которых живут аборигены современной Австралии, — обращена к честным людям этой страны, она будит их совесть, напоминает им об их ответственности за судьбу многих тысяч коренных австралийцев. Эта книга обращена прежде всего к рабочему классу Австралии, который в послевоенные годы уже не раз протягивал руку помощи своим братьям — аборигенам. Это произошло, например, в мае 1946 г., когда впервые в истории австралийского рабочего движения восемьсот аборигенов в районе Порты-Хедленда в Западной Австралии — там, где жили и трудились герои рецензируемой книги, — объявили стачку, требуя минимальной заработной платы в 30 шиллингов в неделю

вместо скудного пайка, который они получали раньше. Стачка была подавлена, но ее значение было огромно — впервые в истории Австралии бастовали чистокровные аборигены. Впоследствии аборигены Порта-Хедленда организовали свой кооператив. А через год забастовали двести аборигенов Дарвина (Северная Территория). В 1951 г. здесь снова вспыхнула забастовка⁸. Прогрессивные общественные силы Австралии все чаще оказывают аборигенам свою поддержку. В защиту их прав выступает Коммунистическая партия Австралии. И мы верим, что Джорджи, сын Фредди Адамса, увидит не обманчивый мираж счастья в выжженной солнцем пустыне, а новую Австралию, в которой ее коренное население займет принадлежащее ему по праву место.

Надо отметить, что переводчики (Е. Макаров и Г. Стеценко) успешно справились со своей задачей, особенно нележкой из-за многочисленных «австрализмов».

В. Р. Кабо

⁸ Ф. Роз, Указ. раб.